

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

18+

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

«Автор»

2026

Ольховская Л.

Ведьминский дар / Л. Ольховская — «Автор», 2026

Лиза выросла в семье фельдшера Ирины и её сыновей-близнецов, не сомневаясь, что она родная дочь. Но случайная встреча с незнакомкой, у которой её лицо, переворачивает всё: Лиза — приёмная. У неё есть сестра-близнец, а в том же городе живёт отец, не подозревающий о её существовании. Олег, названный брат, стал для неё больше чем братом. Любовь, о которой она запрещала себе думать, теперь неизбежна. Ирина хранит медальон ведьмы — дар, исполняющий желания, когда мать и дочь соприкасаются руками. Только желания оборачиваются против просящего, пока они не поймут: дар рассчитан на двоих. Лиза загадывает: пусть отец полюбит её. Медальон даёт трещину. А Ирина пытается удержать от распада собственную жизнь — бывший муж до сих пор входит в дом как хозяин, а нынешний устал делить её с прошлым. Две женщины. Две любовные линии. Один дар на двоих. И цена, которую придётся заплатить.

© Ольховская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Людмила Ольховская

Ведьминский дар

Глава 1

Глава 1 Скорая неслась по мокрому шоссе, подпрыгивая на ухабах. Ира сидела сзади рядом с носилками, вцепившись побелевшими пальцами в поручень. Женщина на носилках — вся в крови, с седыми спутанными волосами — была уже почти мертва, но Ира продолжала борьбу. Она давила на её грудь, делая непрямой массаж, и счёт сбивался с губ горячим шёпотом. — Не уходи, — шептала она, прижимаясь щекой к холодному лбу пациентки. — Дыши.

Вдруг женщина открыла глаза. Мутные, но странно живые. Губы зашевелились, разлепляясь с трудом: — Спасибо Ты старалась. Возьми, тебе пригодится. Слабая, но неожиданно крепкая хватка сжала Ирину ладонь. В ладонь скользнуло что-то маленькое, твёрдое — медальон из берёсты на кожаном шнурке. От него шёл жар, пробирающий до костей: обжигающий и ледяной одновременно. Ира дёрнулась, пытаясь отдёрнуть руку, но женщина держала мёртвой хваткой.

— Что это? — выдохнула фельдшер. — Оно уже выбрало тебя, — прошептала незнакомка, и в её мутных глазах мелькнуло что-то древнее, понимающее. Ира почувствовала, как тепло растекается от ладони к плечу, к сердцу — словно кто-то влил под кожу расплавленное стекло. Перед глазами поплыли круги. Женщина разжала пальцы, откинулась на носилки и затихла. Монитор запищал непрерывной плоской линией. Николай, водитель, выругался и начал реанимацию, но Ира уже знала: бесполезно. Она стояла, прижимая к груди руку с зажатым медальоном. Внутри, вместо фото, лежал кусочек коры с выцарапанной буквой «Я». Ира хотела разжать кулак и выбросить странную вещь. Хотела закричать, отказаться. Но пальцы не слушались — словно приклеились к берёсте. Страх боролся с любопытством, усталость — с инстинктом самосохранения. Она медленно сунула медальон в карман, сама не зная зачем. Домой она вернулась под утро.

Дождь лил как из ведра. Двухэтажный дом бабушки Вари стоял на пригорке, нависая над озером, словно старый корабль, вросший в берег. Выцветшая зелёная крыша, резные наличники, помнившие ещё прадеда. Вдоль стен жадно вился дикий виноград, и его мокрые листья бились о рамы, словно просились внутрь. На втором этаже, куда Ира поднялась на цыпочках, было три спальни: бабушкина, её собственная и братьев-близнецов.

Дима и Олег, оба семиклассники, родились с разницей в двенадцать минут, но были разными, как топор и флейта. Дима — основательный, хозяйственный, терпеть не мог бардак. Олег — беспечный, ленивый, с неизменной улыбкой и таким лёгким нравом, что сердиться на него было невозможно. Сейчас оба спали.

Ира прошла в свою комнату — тихую гавань, обустроенную точно под себя. Евро-кровать с высокой спинкой, платяной шкаф и туалетный столик цвета слоновой кости. Бельё серовато-бежевое, на полу плотный ковёр кремового оттенка. Только бордовые шторы глубокого, густого оттенка напоминали, что внутри неё самой живёт скрытая глубина. Она села на край кровати, не зажигая света, вытащила медальон. Берёста едва заметно светилась. Буква «Я» смотрела на неё, словно чей-то прищуренный глаз. — Что же ты такое? — прошептала она. Легла не раздеваясь и провалилась в тяжёлый сон.

Утром Иру разбудил шум из комнаты мальчишек. Дима и Олег ссорились — обычное дело.

— Это моя футболка!

— Нет, моя!

— Олег, отдай, я тебя просил! Ира вздохнула, потёрла виски. У неё не было сил. Она мысленно попросила, зажмурившись и сжав кулаки под одеялом: «Господи, хоть бы они уже помирились и заткнулись». На секунду стало тихо. Потом из комнаты донеслось совсем другим тоном:

— Ладно, носи. Я себе другую найду.

— Слушай, Дим, хочешь, я тебе свои чипсы отдам?

— Серьёзно? Олег, ты лучший!

Ира замерла. Дима никогда так легко не уступал. Олег никогда не предлагал чипсы просто так. Она медленно перевела взгляд на тумбочку. Медальон лежал там, и буква «Я» словно усмехалась. «Не может быть», — подумала она. Потом осторожно, словно боясь спугнуть волшебство, поднесла ладонь к губам и прошептала пожелание — уже намеренно, проверяя:

— Хочу, чтобы на завтрак были горячие блинчики. С творогом. С кухни донёсся вкусный запах. Ира спустилась вниз.

Бабушка Варя морщинистая, с ловкими пальцами, тридцать лет проработавшая бухгалтером, а теперь вязавшая даже во сне, стояла у плиты и переворачивала блины.

— Мама, ты почему.. — начала Ира.

— Встала и захотелось, — перебила бабушка, не оборачиваясь. — Давно блинов не ели. На столе уже стояла тарелка с творогом. Ира вспомнила, как, лёжа в постели, мельком подумала: «Хоть бы этот ливень кончился». Выглянула в окно. Дождь прекратился. Сразу. Будто повернули кран.

— А дождь шел ночью? — спросила она осторожно.

— Лил, — кивнула бабушка, поправляя очки испачканным в муке пальцем. — А потом резко перестал. Прямо как отрезало.

Ира села за стол, уставилась в чашку. Медальон на груди тихо блеснул из-под ворота халата — она сама не заметила, как надела его.

За окном заурчал знакомый мотор. Серая «Скания» вползала в распахнутые ворота. Из кабины вылез Станислав, коренастый, в рабочей куртке — её бывший муж, отец близнецов, дальноточник, который появлялся раз в две недели, пах бензином и сигаретами и после которого в доме всегда что-то пропадало: то ключи, то настроение.

— Отец приехал, — донёсся сверху голос Димы, следом — топот босых ног по лестнице.

Ира вздохнула и медленно перевела взгляд с окна на свою руку. Потом на медальон, сжав его в кулаке. Ей вдруг стало страшно и весело одновременно. Она подумала — специально, с отчаянным вызовом: «Не кури сегодня. Хотя бы сегодня». Станислав вошёл в дом, громко хлопнул дверцей шкафа, скинул ботинки, поставив их носками врозь, полез в карман за пачкой. Достал, похлопал по ладони посмотрел, пожал плечами и сунул обратно.

— Чё-то не хочется, — сказал он и сам удивился, почесав затылок. — Ир, чаёк бы.

Ира медленно кивнула, налила ему чаю — руки дрожали, в висках стучало. Она не знала, что это за дар, почему он перешёл к ней и какие у него границы. Не знала, радоваться ей или бежать в церковь. Но пока её желания были маленькими и добрыми, и от этого на душе становилось тепло — как тогда, в машине, перед смертью незнакомки. Она решила никому не рассказывать. Пока. Спрятала медальон под халат и поёжилась, словно от сквозняка.

Глава 2

Скрежет ключа, вгрызающегося в замок гаража, затем утробный, низкий рык мотора. Ира замерла у плиты, сжав пальцами деревянную ложку так, что побелели костяшки. Сердце пропустило удар — привычка, ввевшаяся за шесть лет брака. Станислав.

Когда-то она вышла за него по залёту — молоденькая, растерянная, оглушённая. Он тогда казался спасением: шумный, уверенный, с лёгкой улыбкой, от которой у неё подкашивались ноги. Но прошёл год, второй, и его компанейскость обернулась вечными исчезновениями («Я в дороге, Ир, не пили»), а уверенность — снисходительными шутками, от которых у неё внутри всё сжималось.

«Ну куда тебе, Ирка, ты же у нас не модель»

«Супчик так себе, но ты не расстраивайся, не всем быть кулинарами».

Она привыкла оправдываться. Привыкла считать себя недотягивающей. Мама, Варвара Сергеевна, никогда не была на её стороне. Ире доставалось за всё: за работу медсестрой с её вечными ночными дежурствами и внезапными вызовами к тяжёлым больным («Кому ты там нужна, Ира? Лучше бы дома сидела, семью кормила нормально, а не этими твоими бульонами на скорую руку»), за «неумение» готовить, за «мягкий характер». А когда они со Станиславом наконец развелись, мать лишь поджала губы и махнула рукой, бросив напоследок: «Сама виновата. Такой мужик был, а ты не удержала». И Станислав продолжил заезжать — в гараж, который сам построил, который громогласно обещал оставить сыновьям и в котором иногда ночевал.

Кухня была большой, просторной и плавно перетекала в гостиную-столовую — с широким дубовым столом, высокими стульями и панорамным окном. Здесь всё дышало порядком и достатком, но Ира никогда не чувствовала себя спокойно в этом пространстве. Это была кухня Станислава, построенная под его размашистые замашки, под его друзей, под его «правильную» жизнь. Даже сейчас, спустя два года после развода, когда она нарезала овощи или помешивала суп, ей казалось, что она делает это на чужой территории — временно, по чьему-то негласному разрешению. Только наверху, в своей комнате, куда она поднималась по вечерам, закрывая за собой дверь, Ира чувствовала себя по-настоящему уютно. Там стояло её старое кресло с пледом, лежали книги, которые она собирала годами, и пахло воском от свечей — она любила зажигать их перед сном, наблюдая, как дрожит и успокаивается пламя. Там она была не бывшей женой и не «недотягивающей» дочерью, а просто собой.

— Ир, привет. — Голос Алексея раздался из дверного проёма, тихий и чуть рассеянный. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел в экран телефона. — Ты не видела мой второй ноутбук? Серый, тонкий.

— В гостиной на диване, — ответила она, помешивая суп и глядя прямо перед собой. — Слушай, он пришёл.

Алексей поднял глаза. Ни удивления, ни раздражения — но взгляд стал острее.

— Я слышал. Гараж хлопнул.

— Опять будет обедать, — тихо, почти виновато сказала Ира. — В прошлый раз выпил мой йогурт, даже не спросил.

Обычно люди после развода не ходят к бывшим обедать. Но Станислав иначе не умел. Появлялся раз в две недели, шумно отряхивал ботинки прямо в прихожей, и дом наполнялся запахом сигарет и бензина. Проходил на кухню как хозяин — бесцеремонно сдвигал её чашку, брал из холодильника что-нибудь перекусить, разваливался на стуле и за обедом с прежней усмешкой вспоминал что-нибудь из их прошлого — такое, от чего у Иры до сих пор горели щёки. А мальчишки смеялись — для них это были просто смешные истории про маму.

— Пусть поест, если голодный, — пожал плечами Алексей, но в голосе скользнуло что-то жёсткое. — Ир, я забегу на пятнадцать минут в душ, потом сяду доделывать. У нас завтра тест приложения.

— Иди, — кивнула она. — Я его покормлю и выпровожу.

Алексей сделал шаг вглубь кухни и вдруг остановился, глядя, как она напряжённо сжимает ложку.

— Ира, послушай. — Он говорил спокойно, но это спокойствие давалось ему видимым усилием. — Я понимаю, он отец мальчишек. Приезжает в гараж ладно. Но тебе его не надо обслуживать. Ты ему не жена, не мать и не домработница. Если хочет есть — купит по дороге. Ты же не просила его приходиться.

Ира молчала. Перед глазами всплыло лицо Станислава, как он, ухмыляясь, говорил при гостях: «Ирка у меня красавица, только готовить так и не научилась». А гости смеялись, и она смеялась тоже, потому что иначе было стыдно.

— Я знаю, — наконец выдавила она. — Просто... он мальчишкам голову заморочит. Олег его обожает. А я... — она запнулась, — я не хочу, чтобы он при них снова меня... ну, ты понимаешь.

Алексей шагнул ближе, и она заметила, как у него дрогнула жилка на шее. Он всё понимал. И про прошлое, и про привычку сжиматься, и про то, каких усилий ей стоило просто сказать «я не хочу». Он старался как мог не сцепиться со Стасом и поддержать свою любимую.

— Я не прошу ругаться. Я прошу не давать ему свою заботу. — Он легонько коснулся её плеча. — Вечером глянешь цветовую гамму? Я вчера набросал ленту, мне твой глаз нужен.

— Гляну, — кивнула Ира. И впервые за утро выдохнула по-настоящему. Не потому, что он сказал что-то особенное, а потому, что сказал как для него важно ее мнение.

— Беги в душ, а то ты в одной футболке, холодно.

— Не холодно, — улыбнулся Алексей и вышел.

Через пару минут из глубины дома послышался шум воды.

Гараж стоял на краю участка, уходя задней стеной в склон холма. Летом здесь было прохладно, зимой земля держала тепло. Вдоль стен тянулись стеллажи с жестянками, мотками проводов в углу валялась старая магнитола. Пахло бензином, маслом и сырой землёй.

Олег спустился по трём бетонным ступенькам и сразу почувствовал, как отступает волнение. Здесь ничего не надо было объяснять как маме или бабушке. Отец понимал его без слов.

— Ну что, помощник, пришёл? — Станислав не обернулся, склоняясь над открытым капотом. — Глянь-ка, свечи менять будем.

Олег подошёл ближе. На отце была старая клетчатая рубашка, на плече — пятно масла, руки в трещинах.

— А старые совсем плохие? — спросил он, заглядывая в моторный отсек.

— Почти дохлые. Искра слабая. — Станислав выкрутил свечу, поднёс к глазам. — Видишь нагар? Но я их про запас оставляю. Выбрасывать — не наше дело, пригодятся. Ты это, подай ключ на шестнадцать.

Олег знал, где что лежит. Знал с закрытыми глазами.

Станислав вдруг глянул на него из-под бровей и усмехнулся:

— Ты сам-то как, опять географию до ночи учил?

— Дима учил. Я просто рядом сидел.

— А, ну да. Дима — голова. Алексей говорит, у парня большое будущее. — В голосе отца мелькнула знакомая усмешка, от которой Олегу стало немного неловко, хотя он и не понял почему. — А ты у нас, значит, по железу специалист?

— Мне нравятся машины, — сказал Олег негромко, но твёрдо.

Станислав хмыкнул одобрительно.

— Пап, а почему тебе нравится, что гараж наполовину под землёй?

Станислав обвёл взглядом стены.

— А ты сам как думаешь?

Олег задумался. Когда спускаешься по ступенькам — всё, что наверху, остаётся там. Школа. Разговоры про будущее. Дима, который голова. И про маму тоже — то, что отец над ней смеётся, а она молчит. Здесь этого не было. Здесь были только он и отец, а остальное — снаружи.

— Потому что здесь никого нет, — сказал он наконец. — Кроме нас.

Станислав ничего не ответил. Только хлопнул его по плечу тяжёлой, пахнувшей бензином ладонью и снова склонился над капотом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.